

© Н.Л. Жуковская

И ПОЛЕ, И ПАЛОМНИЧЕСТВО... (ИНТЕРВЬЮ)

Ключевые слова: этнография, паломничество, полевая работа, монголы, буряты, буддизм, шаманизм

Интервью с Н.Л. Жуковской посвящено ключевым аспектам ее академических интересов: Монголии и монгольскому миру как ареалу исследований, буддизму (ламаизму) и другим духовным практикам монгольской культуры, особенностям работы в этнографическом поле. Отвечая на вопросы редакторов настоящего тематического блока, Н.Л. Жуковская обобщает опыт работы многолетней комплексной российско-монгольской экспедиции. Через ее рассказ о беседе с жителем сомона Баян Агта Чойсурэном в 1978 г. мы получаем краткий мастер-класс полевой работы в незнакомой сельской среде. Особое место в интервью занимает тема паломничества как путешествия в пространстве и времени, например, автоэтнографическое повествование об опыте путешествия в Джарамсалу в 2001 г. и общении с иерархами буддийского мира. Н.Л. Жуковская рассказывает о своем понимании феномена паломничества и отмечает примеры его “изобретения” у шаманистов, говорит и о других практиках позднего времени, при этом сопоставляя паломничество с опытом этнографического поля. Яркий стиль изложения отражает характер исследователя, из личного опыта которого мы узнаем многое о том, как работали российские этнографы в советский и в ранний постсоветский периоды

Э.-Б. Г., Ц. Д.: Как Вы выбрали регион исследований и чем он для Вас стал?

Наверное, следует начать с выбора профессии. Сначала в моей жизни появилась она, а уже потом, не сразу, но довольно скоро высветился и регион исследований.

С пятого класса школы началось мое увлечение историей. Что такое этнография, я тогда не знала, и даже слова такого никогда не слышала. Да и откуда? Совсем недавно кончилась война. В 1944 г. моя семья (дедушка, бабушка, мама, тетя и я) вернулась из эвакуации в Москву, отец еще несколько лет жил где-то на севере, изобретая топливо для “катюш”, о чем я узнала лишь много лет спустя. Говорили взрослые

Наталья Львовна Жуковская | <https://orcid.org/0000-0001-5415-9875> | n-zhuk@yandex.ru | д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, заведующая центром азиатских и тихоокеанских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Интервью у Н.Л. Жуковской взяли:

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Калмыцкий научный центр РАН (ул. И.К. Илишкина 8, Элиста, 358000, Россия)

Цыпылма Абрамитовна Дариева | д. филос. н., ведущий научный сотрудник | Центр восточно-европейских и международных исследований (ZOiS) (Mohrenstrasse 60, 10117 Berlin, Germany)

в основном о еде, о том, где достать одежду “для ребенка” (т.е. для меня). Сестры и двоюродного брата тогда еще не было даже в проекте. Это время и начальные классы школы я помню смутно, какими-то пятнами. Но вот появился школьный предмет “история”, и я погрузилась в сказку, ибо все, о чем писалось в учебниках, реальностью мне никак не казалось. Усугублялось это еще и тем, что моя бабушка, до революции 1917 г. окончившая Бестужевские курсы, работала почти всю жизнь в библиотеке Московского металлургического техникума и приносила мне оттуда исторические романы (откуда они были в таком количестве в ее техникуме?!), и я их буквально заглазывала один за другим, по возможности читая даже ночами. От любви к историческим романам я не излечилась по сию пору, и в значительной степени они определили мое желание поступить на исторический факультет Московского университета и стать историком — “историком вообще”; тогда я даже не подозревала, на какое количество наук делится эта самая история. Но уже на первом курсе заведующий кафедрой этнографии Сергей Александрович Токарев начал читать нам два спецкурса: “Этнография народов мира” и “Религиозные верования народов мира”. Это был 1956 г., учебников и книг по региональной этнографии тогда было очень мало, так что лекции приходилось тщательно записывать. Я гордилась своими обстоятельными конспектами, ими пользовались на экзаменах и зачетах мои однокурсники, а потом и те, кто учился вслед за нами через год, два и даже три.

Именно лекции Токарева повлияли на выбор региона и тематики моих исследований. Из спецкурса по этнографии народов мира меня более всего заинтересовали кочевники Центральной Азии, их культура показалась мне необычной, достойной того, чтобы поехать туда в экспедицию, увидеть своими глазами, кто такие кочевники и как это — кочевать по территории Советского Союза. Многие по молодости было непонятно, а потому интересно. Но еще более интересным оказался второй спецкурс Токарева, посвященный существовавшим когда-то и существующим ныне на земном шаре религиям. Как лектор Сергей Александрович был суховат и даже, можно сказать, скуп на слова, но объем его знаний просто потрясал. И если спецкурс по этнографии народов мира определил мой интерес к кочевникам, то спецкурс по религиям обратил меня еще к одной сфере — шаманизму и буддизму, их взаимосвязи с миром кочевников. Казалось, эти темы так далеки друг от друга, и тем не менее, как оказалось, тесно переплетены между собой. И регион, и его проблемы стали наиболее привлекательным для меня полем на долгие годы и продолжают оставаться таковым и сейчас.

Э.-Б. Г., Ц. Д.: Многие темы исследований в СССР были госзаказом. О чем было нельзя писать?

Госзаказ лично меня в этой жизни обошел стороной — в этом мне повезло. Однако помню, что начало моей научной деятельности в институте совпало с одной такой темой, которой пришлось заниматься не всем, но очень многим сотрудникам: современной колхозной жизнью, ее радостями и экономическими преимуществами. Преимуществами перед кем и перед чем, не совсем ясно, но, скорее всего, перед капитализмом, с которым тогда сравнивалась вся наша жизнь. Поскольку я с самого начала была принята в Сектор Восточной и Южной Азии (впоследствии он несколько раз менял свое название, и сейчас называется Центр азиатских и тихоокеанских исследований), нас как “зарубежников” это не очень касалось, но все же дважды, в 1961 и 1962 гг., я участвовала в экспедициях Сектора восточных славян, который занимался исследованием кубанских станиц, как я полагаю, именно в рамках госзаказа. До этого я была только в студенческих экспедициях кафедры этнографии МГУ, где нас обучали азам полевой работы, так что опыт работы в настоящей научной экспедиции был весьма полезен. По итогам двух сезонов я написала

небольшой раздел о религиозных верованиях в коллективную монографию “Кубанские станицы”, но он туда не был включен. Это была моя первая научная работа, и я очень расстроилась, но главный редактор монографии и руководитель экспедиции Л.Н. Чижикова весьма деликатно объяснила мне, что это решение принято “наверху” и причина его в следующем: ну какие-такие религиозные дела могут быть сейчас в станицах Кубани, все давно в прошлом, и нечего о них писать. Мой довольно сочный материал, особенно по баптистам и взаимоотношениям православных приходов и общин ЕХБ, это опровергал, но кто же спорит с решениями “сверху”. Таким был мой единственный опыт работы по госзаказу.

Э.-Б. Г., Ц. Д.: Как бы Вы сравнили паломничество и поле?

Кратко я бы ответила так: паломничество — это потребность души, желание открыть что-то в самом себе посредством увиденного и осмысленного нового. Поле — это производственная необходимость, неперемнная составная часть нашей науки. Конечно, находясь в поле, душу тоже желательно включать в исследовательский процесс — часто так и бывает, — и тогда поле обретает качественно более высокий уровень. Не скажу, что происходит его вращение в паломничество, это, по-моему, две параллельные линии постижения пространства: паломничество — это его сакральное измерение, полевое исследование — материальная и духовная реконструкция культуры. Поля в моей жизни было предостаточно: 20 сезонов в Монголии, 25 — в Бурятии (5 до Монголии и 20 после нее) и понемногу (1-2 сезона) в других местах — в Республике Марий Эл (в те времена, когда она называлась Марийской АССР), в Туве/Тыве (в бытность ее Тувинской АССР), в Забайкальском крае (конкретно в Агинском бурятском автономном округе), в Калмыкии, в кубанских станицах Краснодарского края, да мало ли где еще. Не всегда это были экспедиции в принятом у нас смысле слова. Но даже если это были относительно недолгие командировки, то и тогда инстинкт полевика срабатывал, и кратковременная поездка могла превратиться в Его Величество ПОЛЕ с его неперменными атрибутами: информатор, беседа, узнавание нового, уточнение старого, записи в небольшом по размерам (10х15 см) полевом дневнике (сейчас таких днем с огнем не сыщешь, да и тогда их выдавали в ограниченном количестве в хозчасти института), фотографирование (не смартфоном, а добротным старым тяжелым фотоаппаратом). Ну а паломничество — это было что-то из хорошей художественной литературы: “Паломничество Чайльд-Гарольда” Дж. Байрона, “Паломничество в страну Востока” Г. Гессе. Какие паломничества могли быть в атеистические советские времена?.. Только книжные.

Э.-Б. Г., Ц. Д.: А было ли паломничество в Вашей жизни?

Пожалуй, было. Однако то, что это было ОНО, я поняла много лет спустя. В 2000 г. в мой очередной полевой сезон в Бурятии, где я изучала все ту же “смесь” буддизма и шаманизма, судьба свела меня с шаманкой, полубуряткой-полурусской по своим этническим корням и, как оказалось, соединившей в себе бурятские шаманские истоки по отцовской линии и знахарские знания от русской бабушки. Все это удачно в ней сосуществовало, она была известной целительницей женских болезней и лечила рожденных с разными патологиями детей, а также славилась своими ясновидческими прозрениями. Последний ее талант интересовал меня более всего, и она меня удивила достаточно высоким процентом попадания “в точку”, пока для начала знакомства рассказывала “про меня”, сняв, выражаясь современным языком, скан с моей души, с моего прошлого, с моего жизненного опыта. Учтивая, что человек видел меня впервые, это было прямо-таки интригующе.

Наша беседа проходила довольно спокойно и через несколько часов подошла к концу. На прощание она неожиданно сказала мне: “Вас пригласят в далекую

восточную страну. Пригласит высокое лицо. Вас будет очень смущать это приглашение, но не отказывайтесь. Вы получите такое удовольствие, которое останется с Вами на всю жизнь”. В тот момент я не придавала сказанному особенного значения. Уже позади в моей жизни были 20 лет работы в Советско-монгольской историко-культурной экспедиции, несколько раз по несколько месяцев я была в Японии. Какая еще далекая восточная страна может появиться в моей жизни? Кто то высокое лицо, которое меня может пригласить? Все это было непонятно, неконкретно, и вскоре я забыла про это предсказание.

Прошло несколько месяцев. Накануне нового 2001 г. мне позвонил Пандито Хамбо-лама Бурятия Дамба Аюшеев. Сам по себе этот звонок не был для меня чем-то неожиданным. Мы были знакомы уже несколько лет. С 1995 г. он возглавлял Буддийскую традиционную сангху России. Я к тому времени уже несколько десятилетий изучала религиозную ситуацию в Бурятии и Монголии, между нами существовали деловые контакты, мы встречались в Бурятии и в Москве. Но вот то, что сказал мне по телефону Хамбо-лама, сразу вызвало из глубины моей памяти предсказание, сделанное бурятской шаманкой. А сказал он следующее: “Я приглашаю Вас поехать в составе буддийской делегации в Индию с визитом к Далай-ламе. Делегация будет состоять из шести лам, двух бизнесменов, Председателя Народного Хурала и одного ученого (т.е. меня)”.

Невероятно. Предсказание начало сбываться почти дословно. Индия – далекая восточная страна, такой она была для России со времен Афанасия Никитина, высокое лицо – это Хамбо-лама, а еще выше, чем он, с Далай-лама, к которому наша делегация едет по его приглашению. Как и было предсказано, меня несколько смутил состав делегации, конечно, не бизнесмены и не Председатель Хурала, а именно ламы, все достаточно высокого ранга. Естественно, от таких предложений, чем бы они не были продиктованы со стороны высокого буддийского начальства, не отказываются, и через пару минут я дала свое согласие. Оформление и все, связанные с ним детали, уточнения, получение разрешения от Правительства Бурятии (А кто такая эта Жуковская? Почему она едет в составе бурятской делегации?) – все это меня совершенно не коснулось. И через три месяца мы вылетели в Дели. Мое паломничество началось.

В Дели мы провели полдня, здесь к нам присоединилась группа молодых бурят – будущих лам, а пока всего лишь учащихся разных факультетов при монастырях Дрепунг Гоманг (шт. Керала) и Намгьял при резиденции Далай-ламы в Дхарамсале (шт. Химачал Прадеш). Их было около десяти человек, так что наша команда сразу удвоилась, я же по-прежнему оставалась единственной женщиной в этом большом мужском обществе. Поздно вечером на арендованном автобусе мы двинулись в путь на Дхарамсалу, где должна была состояться наша встреча с Далай-ламой. Путь занял 11 часов, желающие могли поспать, приспособив для этого свои рюкзаки и сумки, но таких было немного. Молодые послушники, им было от 12 до 18 лет, кое-кто из них учился в Индии уже 6–8 лет, веселились, о чем-то спорили друг с другом, для них эта поездка была развлечением на фоне однообразной монастырской жизни. На меня они посматривали с любопытством и некоторым опасением, тем более что, когда все разместились в автобусе на полагающихся по рангу местах (старшие на передних, молодежь сзади), Хамбо-лама сказал им: “С нами в автобусе едет ученый, занимающийся буддизмом, вы можете задавать ей разные вопросы”. Вопросов я так и не дождалась, послушники явно стеснялись, и тогда вопросы стала задавать я. Сработал мой инстинкт полевица, тем более что ситуация была весьма неординарной.

Что такое поле с точки зрения его локализации для этнолога/антрополога? Это место, в которое он приезжает для сбора научного материала. Это место “стоит на месте”, передвигаешься по нему ты от одного информатора к другому, от одного объекта к другому. Иногда приходится долго ждать, пока кто-то, вовсе

не рассчитывавший на встречу с исследователем и занятый своими куда более важными делами, освободится и пожелает побеседовать с тобой. Это нормально. А что было в Индии? Автобус полный лам, оторвавшихся от своих монастырей, движется в направлении города, где вдали от своей родины живет беженец и изгнанник в одно и то же время, глава школы Гелуг тибетского буддизма (признаваемый в качестве главы еще несколькими школами Тибета) Далай-лама XIV. А вместе с ними еду я. Для моих попутчиков это изначально паломничество, они едут поклониться верховному иерарху своей школы буддизма. Для меня это пока еще “поле, которое едет” вместе со мной. Вот мои информаторы все тут сидят рядом – спереди, сзади, сбоку, и я могу спрашивать их, о чем хочу, а они не могут мне сказать, что им пора идти совершать какой-то обряд или что вот-вот начнется служба в монастыре. Из автобуса на узкой дороге в предгорьях Гималаев не выпрыгнешь на ходу, поэтому потихоньку и не без любопытства они втягиваются в разговор. Он интересен не только мне, но и им, не так уж часто они общаются с учеными. Впрочем, в своей сфере некоторые из них бесспорно ученые: в нашей группе были философ, логик (мастер проведения дискуссий с религиозными оппонентами) и специалист по тибетской медицине. Эти вели себя солидно, слегка посмеивались над молодежью, впадавшей в азарт, если мои вопросы их чем-то задевали. Так что поездка на автобусе не прошла ни для меня, ни для них даром.

На гималайскую часть дороги мы въехали уже на рассвете. Постепенно рассеивался утренний туман, проступали все явственнее мощные стволы и кроны деревьев. В ущелья, по краю которых петляла дорога, смотреть было страшно не только мне, но и уже бывавшим здесь ламам. Наконец добрались до центральной площади Дхарамсалы. Мы были официальной делегацией буддистов Республики Бурятия. Нас разместили в гостинице со звонким названием “Королева Гималаев”, покормили, дали возможность погулять по городу, осмотреться. Уличные овощные базары впечатляли и обилием разных овощей и фруктов, и тем, что все лежало прямо на земле. Храмов, монастырей, ступ было, пожалуй, больше, чем жилых домов, Впрочем, возможно, это только казалось. Горы своими вершинами исчезали в облаках. Все время шли дожди, и грязь хлопала под ногами.

Через пару дней состоялось то, ради чего приехала сюда наша делегация, – визит к Далай-ламе в его резиденцию. Он длился всего полчаса и был, наверное, стандартным для приемов такого типа. Нас тщательно проверили на входе. Потом мы некоторое время ожидали появления Его Святейшества в небольшом зале для приемов, а когда он появился с двумя своими помощниками, вручили ему подарки, получили ответные дары, состоялась краткая беседа: он задавал вопросы, мы отвечали. В частности, его интересовало, есть ли в Бурятии случаи, когда кто-то из адептов буддизма переходит в другую веру и, напротив, из другой религии в буддизм. И те, и другие случаи известны, хотя в Бурятии это редкость, о чем мы ему и сообщили. Узнав, что я ученый и занимаюсь историей буддизма в Монголии и Бурятии, поинтересовался “не противопоказан ли мне буддизм”. Естественно, я ответила, что нет, и вручила ему свой подарок – “Историко-культурный атлас Бурятии”, незадолго до этого опубликованный издательством “ДИК” в Москве, ответственным редактором которого я была и в котором был большой раздел, посвященный истории и искусству северного буддизма (см. Рис. 1). Была выполнена и главная цель визита нашей делегации: Хамбо-лама вручил Далай-ламе приглашение приехать в Бурятию и дать там курс учения для последователей буддизма, которые уже много лет ждут его приезда. Далай-лама вежливо улыбнулся в ответ, понимая, что МИД России никогда не даст на это согласие. И тогда, и сейчас причина этого – “китайский фактор”.

На другой день у нас состоялась еще одна важная встреча. Кашаг (тибетское правительство в изгнании) пожелал встретиться с делегацией буддистов Бурятии. Заместитель главы кашага (главой считается Далай-лама) Лобсанг Сангай (с апреля

Рис. 1. Через минуту Далай-лама наденет свой фирменный шарф с личным вензелем на шею Н.Л. Жуковской. Дхарамсала, 2001 г. (личный архив Н.Л. Жуковской)

2011 г. он стал главой, сменив Далай-ламу) тоже заинтересовался, что за русская женщина, явно не монахиня, находится в группе бурятских буддистов. Пришлось давать объяснение, почему я тут. Оно звучало приблизительно так: в советское время между учеными и верующими существовали идеологические разногласия, и совместные поездки были невозможны; в постсоветское время ученые и верующие живут и работают в тесном контакте друг с другом, и потому подобные совместные выезды являются вполне нормальными. Кажется, такой ответ его удовлетворил. Но более всего им был доволен Хамбо-лама.

Были еще посещения библиотеки при научном центре, резиденции Богдо-гэгэна IX, нескольких монастырей. И вот, наконец, дорога домой с чувством выполненного долга. И долгие годы воспоминаний об этой удивительной поездке... “Вы получите такое удовольствие, которое останется с Вами на всю жизнь...” Спасибо, шаманка Вера, за это предсказание и за то, что оно сбылось.

Ну разве это не паломничество? По-моему, оно.

Э.-Б. Г., Ц. Д.: Чем является паломничество для буддистов и шаманистов? Долгом? Привилегией? Удачей?

Я не уверена, что у шаманистов существует институт паломничества, в традиционной форме его явно нет, ну а в той, что возникла в полном смысле слова из небытия в перестроечные и постперестроечные годы, есть много такого, что вообще шаманизму/шаманству не присуще, но отражает дух и стиль нашего времени. Например, поездки не только по всей России, ее городам и весям, но и по земному шару с демонстрацией, не рискну говорить, своего шаманского дара, но своих

Рис. 2. Базар Сардар в Дели. Делегация буддистов Бурятии покупает священные предметы для буддийских монастырей. 2001 г. (личный архив Н.Л. Жуковской)

Рис. 3. Овощной базар на улице в Дхарамсале. 2001 г. (личный архив Н.Л. Жуковской)

способностей лечить, предсказывать судьбу, что особо интересует клиентов и пациентов. Паломничество ли это? Думаю, что нет. Более того, известно, что чем дальше шаман “забирается” от своей родины, от могил своих предков, чьи духи помогают ему в его деятельности, тем слабее проявляет себя его дар. Как правило, это поездки с целью заработка. Это понятно с общечеловеческой точки зрения, но предосудительно с шаманской. Назначать цену за проведение обряда — нарушать нормы шаманской этики в традиционном шаманизме. Шаман возьмет любую плату за свой труд, пусть это будет всего пяток куриных яиц, но просить ее он не должен. Так что поездка бурятского, тувинского, якутского и любой другой национальности шамана в Москву, Санкт-Петербург, Сан-Франциско — это вояж за заработком, а не паломничество.

Другое дело у буддистов. Идея паломничества у них — это, по-моему, не долг, не привилегия, не удача, а потребность души, необходимость посетить великие святыни, не заработать на них, а, наоборот, в них вложиться, поддержать их материально, а себя духовно, приобщившись к исходящей от них силе.

Э.-Б. Г., Ц. Д.: Современные этнологи работают в основном в индивидуальном порядке. Расскажите о Вашей последней комплексной экспедиции в Монголию или Бурятию, какое преимущество дает такой подход?

Я бы ответила на этот вопрос так: индивидуальная и коллективная работа в экспедиции идут рука об руку. В экспедиции могут находиться несколько человек или их может быть даже несколько десятков, но у каждого свой профиль работы, свои задачи, свой план их выполнения. Впрочем, планы легко ломаются и меняются, т.к. зависят они не только от тебя, но и от информаторов, а те, в свою очередь, зависят от ситуации у себя в семье, на работе и даже от погодных условий. Пример: однажды в сомоне Булган на крайнем западе Монголии я договорилась о встрече с торгутом — виртуозом горлового пения и одновременно исполнителем редкого танцевального жанра *биэлэг* (танец тела, во время которого, сидя на одном месте, танцор способен воспроизвести разные сюжеты из народной жизни: пастух пасет стадо овец, собирает их в кучу в случае опасности и гонит домой или всадник седлает коня и мчится на нем куда-то; все это воспроизводится движениями рук, ног, головы, позами тела). Однако, придя, как было договорено, на другой день к нему в юрту, я узнала от его жены, что ночью в горах неожиданно выпал снег и ее муж вынужден был вместе с другими скотоводами срочно отправиться на высокогорное пастбище, где все лето паслась сомонная отара овец, чтобы пригнать ее в аил на зимовку. Встреча так и не состоялась. А когда я приехала в Булган десять лет спустя, мастера этого удивительного жанра уже не было в живых.

Программа индивидуальной работы с объектами моего исследования по интересующей меня теме у меня всегда была, но я не так уж часто работала с информатором в одиночку. В монгольской экспедиции всегда рядом со мной был выпускник какого-нибудь московского вуза — кафедры этнографии или кафедры всеобщей истории Московского университета, Института технологии легкой промышленности и др. В экспедициях в Бурятии со мной, как правило, трудились мои бурятские аспиранты. Работать с теми и другими было интересно, они всегда знали что-то такое, чего не знала я. А они с любопытством осваивали технику опроса, которой я владела лучше, чем они. Некоторые обладали несомненным талантом разговаривать информатора, не всегда желающего общаться с приезжими учеными, и я с удовольствием наблюдала, как они это делали. Иногда такой талант приносил не только научную, но и материальную пользу. В 1990-е годы со мной в экспедиции в Бурятии работала моя аспирантка Елена Строганова. Она оказалась одаренным полевиком, легко умела находить общий язык с информаторами, они ее обожали и делали это весьма “материально”. После каждого своего визита к кому-либо из них она приносила в дом, где размещалась наша экспедиционная база, то лукошко яиц, то банку

сметаны, то поджарку из грибов, варенье из собранных в лесу ягод, а иногда и просто кастрюлю ягод. 1990-е годы были тяжелыми в продовольственном плане для всей страны, и в экспедициях это всегда ощущалось, так что такая “подкормка” была нам очень кстати. А мой монгольский коллега Тангад, избравший в качестве темы своего исследования сексуальную жизнь монголов в XX в., умел так раззадорить своими вопросами монгольских бабушек, что у них начинали блестеть глаза при воспоминании о первых шалостях юности, первых поцелуях, первом соитии, игре в “белую палочку” (игра, когда в безлунную летнюю ночь молодежь делилась на две команды и кидалась искать брошенную во тьму белую палочку, а на деле быстро образовывались пары, разбредавшие по кустам и холмам, где и обретали свой первый сексуальный опыт). Со мной бабушки стеснялись говорить на эти темы, я как-никак “чужая”, иностранка, а вот Тангад, хоть и парень, но “свой”.

Э.-Б. Г., Ц. Д.: Какая из полевых поездок для Вас самая ценная и самая сложная?

Экспедиция в Монголию (ее полное название Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция) длилась 20 лет (точнее 21 год) – с 1969 по 1990 гг. Прошло 50 лет со времени ее начала и 30 лет после ее окончания. Я восприимаю ее не как серию полевых сезонов, шедших ежегодно один за другим, а как нечто единое. Это была совместная экспедиция двух Академий наук – АН СССР и АН МНР, в ней принимали участие археологи (их было более всего – целых три отряда), этнографы, антропологи (физическая антропология), филологи, лингвисты (специалисты по тюркским руническим надписям). Этнографическую часть экспедиции с российской стороны представляли Л.Л. Викторова (4 сезона), А.М. Решетов (5 сезонов), А.Е. Пахутов (5 сезонов), В.П. Дьяконова (1 сезон) и я (18 сезонов). С монгольской стороны в ней по очереди работали С. Бадамхатан (1 сезон), Г. Цэрэнханд (4 сезона), Д. Тангад (7 сезонов), Ц. Аюуш (1 сезон), Б. Батнасан (2 сезона) и Ц. Энхчимэг (3 сезона). Сейчас, спустя полвека от начала этой экспедиции, я понимаю, что это был подарок судьбы: попасть 18 раз в монгольское поле, увидеть живую страну, о которой, начиная со студенческих лет, прочел десятки книг и сотни статей. Полевые сезоны были разными по своей насыщенности, это зависело от их продолжительности. Самые длинные – три, самые короткие – один, но чаще всего полтора месяца. А далее вступал в дело Господин Случай. Можно было все рассчитать, запланировать и, соответственно, предполагать, что все пойдет по плану. Но все могло сорваться просто потому, что выпало неожиданно много дождей, началось наводнение (ну как такое запрограммируешь?!), а это значит, что на ходу приходится менять район предполагаемой работы и думать, что делать дальше.

А бывало и иначе. Пример: в 1985 г., идя по маршруту через Хубсугульский аймак Монголии, мы узнали, что несколько в стороне от нашей главной дороги находится малоизвестное и практически никем не обследованное, хотя упоминания о его существовании в литературе имелись, кладбище (точнее – некрополь) последних нойонов Дзасактухановского аймака – одного из четырех аймаков дореволюционной Монголии. Местность, где оно находится, глухая, горно-таежная, никаких дорог, судя по карте, нет. Но уж очень захотелось туда попасть и увидеть все своими глазами. Нашли проводника, который там был лет 20 назад. Долго петляли по бездорожью, но все-таки добрались до горы, на вершине которой находился этот некрополь. Из пяти *бумханов* (надгробных сооружений) четыре оказались в разной степени разрушенными, вокруг валялись кости, когда-то вытащенные из гробов покойных нойонов. Но пятый *бумхан* уцелел практически полностью, только две доски были сорваны с крыши. Через прорехи мы сумели рассмотреть, что находится внутри, и более-менее реконструировать полушаманский-полубуддийский обряд погребения нойонов. А потом смогли найти информатора, который совсем мальчонкой (6-7 лет) видел этот обряд

своими глазами, когда хоронили последнего нойона. Известно даже, кто и когда этот некрополь разграбил: сделал это местный разбойник в начале 20-х годов XX в. в поисках сокровищ, которые, как он предполагал, должны были лежать в саркофагах. Ан нет! Ничего там не оказалось, да и быть не могло, ибо в могилы высоких духовных и светских лиц помещали не драгоценности, а порошок – соскрёб с 9 металлов, полудрагоценных и поделочных камней, ценившихся местной культурной традицией.

Еще один сюжет из моей монгольской эпопеи я вспоминаю как свой звездный час. 1978 год. Едем в западные аймаки, по дороге делаем остановку в сомоне Баян Агт – “богатый лошадьми” (так переводится его название). В этот сомон мы попали вроде бы случайно, но случайностей не бывает, в это я свято верю после многих лет экспедиционной работы. Въехали в центр сомона, чтобы расспросить о дальнейшей дороге, и с удивлением увидели довольно много людей и машин: явно готовился массовый выезд куда-то. Оказалось, несколькими бригадами отправлялись на сенокос, в основном выезжала молодежь и люди средних лет, но была одна бригада, состоявшая сплошь из стариков. Они собрались в одной юрте, готовясь пообедать, выпить чаю и после этого тронуться в путь. Стариков я всегда воспринимала как опору нашей этнографической науки и решила такой случай не упускать. Вместе со своими спутниками, монгольским скульптором А. Даваацэрэном и этнографом Д. Нямом, я вошла в юрту, нас приняли как почетных гостей (а как же иначе – я иностранка, Даваацэрэн – весьма почтенный старец, ему уже было больше 70 лет), мы заняли предложенные нам хозяином юрты места. Разговор, который до нашего прихода был весьма оживленным, затих, все внимательно смотрели на нас. Однако в Монголии спешить не принято, надо выждать паузу. Хозяин предложил Даваацэрэну табак из своей табакерки, тот набил трубку и закурил. То же самое было предложено и мне, это нормально, в Монголии все женщины пожилого возраста курят, но у меня не было трубки, и я вежливо отказалась. Ритуал был соблюден, теперь можно было начинать знакомство. Даваацэрэн представился, представил меня как начальника этнографического отряда совместной советско-монгольской экспедиции, рассказал, что мы изучаем народную культуру. Старики вежливо закивали головами. Нам принесли по пиале чая с молоком, мы не спеша его выпили, поставили пиалы на низенький юрточный столик. Контакт установлен, можно задавать вопросы.

Я знала, что старики уже готовы к выезду на сенокос. Наше появление лишь ненадолго может его отсрочить. Я спросила, можно ли им задать несколько вопросов. Они согласно кивнули в ответ, но я чувствовала некоторое напряжение, смешанное с любопытством, они опасались, что я спрошу что-то такое, чего они не знают или о чем не хотят говорить. Каждый раз, когда я чувствовала такое, я начинала с самого простого: как называется местность, в которой мы находимся, окрестные горы, пади, перевалы, пещеры, почему они так называются, есть ли легенды и предания, объясняющие происхождение этих названий. Старики оживились, вопрос им был понятен, они стали отвечать на него один за другим, уточняя и дополняя то, о чем уже было сказано. Барьер настороженности был преодолен.

Следующая группа моих вопросов была посложнее, она касалась двух взаимосвязанных понятий кочевой культуры “клятва–проклятие”: кто, кому, в каких обстоятельствах давал клятву, носила ли она только словесный характер или подкреплялась чем-то материальным (напр., обменом подарками, скреплением кровью и др.); спрашивала о клятве воинов своему знамени, о клятве в верности своему хану, своему побратиму, о том, какому позору подвергался клятвopеступник (смерть, изгнание из родовой общины и др.). И это “мои старики” тоже знали, припоминая разного рода истории из своей и чужой жизни. А дальше пошли вопросы о шаманских святынях (горах, рощах, пещерах, деревьях), о погребальных и свадебных обрядах и многом другом.

Вначале отвечали все вместе, потом постепенно из их среды выделился один, самый знающий, его звали Чойсурэн — он мог рассказать обо всем, о чем я спрашивала. Остальные постепенно замолкли и даже с удивлением слушали его. Казалось, он знал свою национальную культуру до мельчайших деталей. Он отвечал на мои вопросы со спокойным достоинством и не сразу, а только после тщательного обдумывания. Чувствовалось, что остальные собеседники даже с какой-то завистью слушали нашу беседу. Она продолжалась более четырех часов. За это время мы выпили два котла чая и съели значительную часть барашка, сваренного для предстоящей поездки на сенокос. Несколько раз я пересаживалась с табуретки то на пол, то на кровать. Попробуйте-ка посидеть на низкой монгольской табуретке размером 20х20 см четыре часа подряд. Этому я так и не научилась за все годы работы в Монголии. Я исписала одну тетрадь и начала другую. Несколько раз все выходили из юрты слегка проветриться. Но только Чойсурэн, казалось, не замечал времени. Наконец, я устала. Думаю, что устал и он, но только виду не подавал. “Спасибо, на сегодня хватит”, — сказала я. Старики зашумели, поднялись со своих мест, а один из них сказал Чойсурэну: “Ну ты ей прямо-таки экзамен сдавал”. И это, столь не вписывающееся в наш разговор слово, вызвало у всех дружный смех.

К тому времени стемнело, похолодало и даже пошел дождь со снегом. В Монголии такое бывает даже среди лета. Отъезд на сенокос отложили до утра. Мы пошли ночевать в отведенную нам юрту, и я долго не могла заснуть, просматривая свои записи. Такие информаторы попадаются редко. Они есть, но порой их просто невозможно застать на месте: то они уехали к детям погостить, а то и действительно на сенокос. Эту беседу с группой стариков и Чойсурэном я вспоминаю как свой звездный час. И экзамен мне он сдал на “отлично”.

Interview Article

Zhukovskaya, N.L. Both Field and Pilgrimage... (an Interview) [I pole, i palomnichestvo... (interv'iu)]. *Этнографическое обозрение*, 2020, no. 2, pp. 61–71. <https://doi.org/10.31857/S086954150009605-5> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Natalia Zhukovskaya | <https://orcid.org/0000-0001-5415-9875> | n-zhuk@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Buddhism, ethnography, pilgrimage, Mongolia, Buryats

Abstract

In an extended interview with Natalia Zhukovskaya, we ask her to reflect on her long and prolific academic career. The interview sheds light on various aspects of studying Mongolia and the Mongolian world, Buddhism (Lamaism) and other spiritual practices and traditions of the Mongolian culture, and the specificities of approaching the region and its culture as an ethnographic field. Natalia Zhukovskaya talks about her experience of the long-term interdisciplinary Russian-Mongolian expedition. Through her story of the conversation with the Mongol Choysuren in the Somon Bayan Agt in 1978, we get a brief master class on conducting fieldwork in an unfamiliar rural environment. The theme of pilgrimage as a travel in space and time is prominent in the interview and takes us to the journey through an autoethnographic narrative about the pilgrimage to Dharamsala in 2001 and communication with the hierarchs of the Buddhist world. The interviewee provides insights on the understanding of pilgrimage and discusses both the cases of its “invention” among the shamanists, and other recent practices, drawing parallels between pilgrimage and ethnographic fieldwork. The vivid presentation style reflects the character and personality of the scholar whose personal experience lets us learn much about the experience of ethnographic work during the Soviet, early post-Soviet, and perhaps present-day periods.